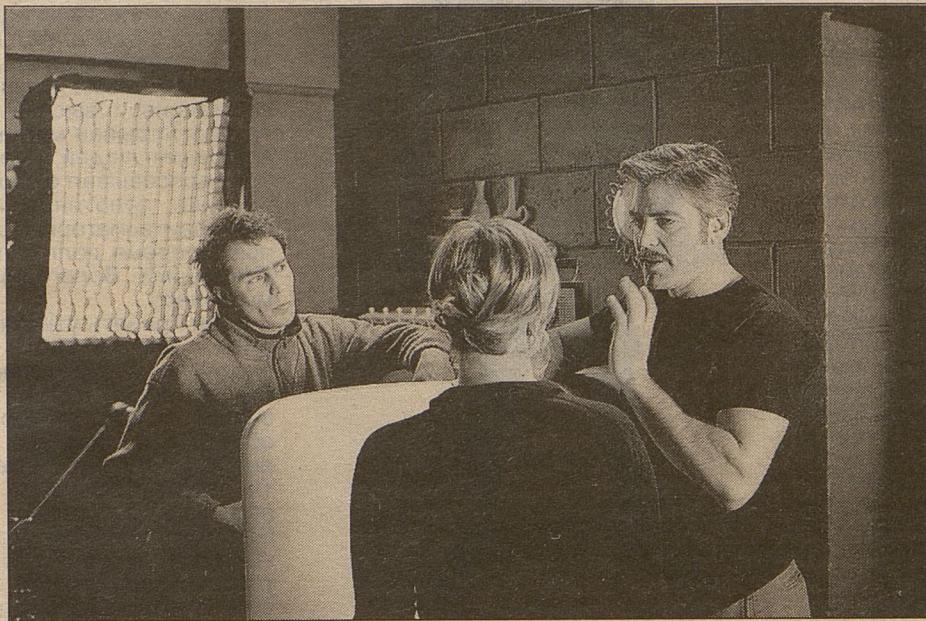

Признания опасного Джорджа Клуни

Сьюзен ХОУАРД

Выходящий в России на видео режиссерский дебют Джорджа Клуни "Признания опасного ума" — один из самых любопытных фильмов сезона. "Признания..." поставлены по автобиографии телеведущего Чака Барри, который описывает в книге свои приключения в качестве наемного убийцы ЦРУ. В свое время книга Барри наделала много шума: ее называли и разоблачительным произведением, и сочинением сумасшедшего, и гениальной метафорой работы на телевидении. Сценарий Чарли Кауфмана выстроен так, что каждый поймет фильм в меру своей испорченности.

— Многие были удивлены, когда вы выбрали для своего режиссерского дебюта такой трудный в композиционном отношении фильм, где не совсем понятно, происходят ли события на самом деле или являются плодом воображения героя. Что привлекло вас в фильме о человеке, ведущем двойную жизнь?

— Мне в жизни не попадалось более интересного сценария! К сожалению, я не мог играть Чака Барриса, потому что его лицо и манеры слишком хорошо известны всем, кто смотрит телевизор. Я предложил продюсеру сыграть Джима Берда, агента ЦРУ, который нанимает Барриса в качестве агента. Сказал, что мое имя поможет им "поднять" проект. Мне так хотелось увидеть этот фильм на экране, что я согласился сниматься за символическую цену.

— Но почему вы стали режиссером?

— Потому что больше никто не согласился ставить этот фильм. На разных этапах работы к нему были прикреплены Дэвид Финчер, Кэртис Хэнсон, Сэм Мендес, Пи-Джей Хоган. Все они с энтузиазмом начинали работать над проектом, но потом быстро остывали. На главную роль приглашали великих актеров — Эдварда Нортона, Шона Пенна, Джонни Деппа, Майка Майерса. Сценарий прошел через неимоверное количество рук. От оригинальных идей почти ничего не осталось. Меня это бесило.

— И вы решили ставить фильм, чтобы его спасти?

— Да, потому что за последние годы я привык оказываться в положении палочки-выручалочки. Я давно уже понял, что актер может воспользоваться своей славой, чтобы защитить хороший сценарий. Я старался поддерживать режиссеров на проектах "Вне поля зрения", "Три короля", "О брат, где же ты?", и порой моего слова было достаточно, чтобы режиссер получил карт-бланш. Я решил предложить себя в постановщика в самый разгар подготовки к съемкам "Одиннадцати друзей Оушена". Я не думал, что они согласятся. Я не знал, смогу ли я поставить

фильм. Я знал только одно: я хорошо понимаю эту историю. Ее суть. Ее душу. Потому что я всю жизнь вращался в телевизионной среде. Мой отец работал телеведущим на местной телестанции в Цинциннати. И я очень хорошо знаю, каково быть знаменитостью, и как легко попасть в ловушку, когда тебя принимают не за того, кто ты есть на самом деле.

— Как вы думаете, почему они согласились доверить вам постановку, на которой сломали зубы такие опытные кинематографисты?

— Они сказали, что бюджет не должен превышать 30 миллионов долларов. Я сказал, что буду работать по низшей профсоюзной ставке. Miramax дал мне зеленый свет.

— Вам не было страшно приступить к своей первой режиссерской работе?

— Конечно, мне было страшно! Мне почти всегда страшно, когда я прихожу на съемки. Сниматься в "Солярисе" было не просто страшно, а очень страшно. Но я не хочу всегда играть одни и те же роли. Мне нужно ставить себя в ситуацию, когда мне страшно. Мы со Стивеном Содербергом только так и работаем. Мы ищем способ перешагнуть через барьеры, которые воздвигают перед нами студии. Пока у нас есть власть в Голливуде — почему бы ей не воспользоваться? Мы не знаем, сколько еще времени они будут терпеть наши выходки! (Смех).

— Вы советовались с Содербергом, прежде чем принять окончательное решение?

— Мы в то время снимали "Одиннадцать друзей Оушена". Однажды вечером я повел Стивена в бар и рассказал ему о фильме, о том, как я его вижу, и спросил его: "Как ты думаешь, у меня получится?" Он ответил: "Ты же видишь, как работаю я, — почему же

нет?" Единственное, что он мне посоветовал, — как следует подготовиться.

— И вы последовали его совету?

— Да. Я пять месяцев обдумывал каждый планкадр фильма. Я сделал раскраски абсолютно на все сцены. Знаете, я в молодости работал карикатуристом и до сих пор умею обращаться с карандашом.

— Вы встречались с реальным Чаком Баррисом?

— Да, с момента начала работы над фильмом и до дня премьеры он постоянно приходил к нам и смотрел, как мы работаем. Мы с ним подружились. Я даже снял его в эпизоде.

— Вы спрашивали его, насколько реальна история, которую он описывает в своей книге?

— В тот момент, когда я решил ставить этот фильм, я не имел больше права задавать вопрос, действительно ли он был шпионом. Я должен был верить в его историю, даже если это неправда. Если это неправда, это, даже интереснее: почему человек с такими лаврами решил выдумать себе вторую жизнь?

— Наверное, можно провести параллели между Баррисом и актерами, которые придумывают для каждой роли целую жизнь своего персонажа.

— Да, наверное. Актер живет во лжи. Но "Признания опасного ума" — это прежде всего история человека, который ненавидит себя за телевизионные игры, которые он придумал. Конечно, есть мнение, что актерами становятся от ненависти к себе — но это клише. Большинство актеров вполне лояльно относятся к своей персоне, уверяю вас! (Смех).

— А вы?

— Я обожаю мою жизнь. Я и мечтать не мог о том, что получил от жизни. Вы не представляете, как интересна моя жизнь. Как она забавна.

— К роли Барриса применились знаменитые актеры. Почему вы взяли сравнительно малоизвестного Сэма Рокуэлла?

— С моей точки зрения, глупо одну знаменитость заставлять играть другую знаменитость. Я знал Сэма Рокуэлла, знал его репутацию. Он был одним из тех актеров, про которых говорят: "Ах, как он хорош в эпизодах, ему бы дать большую роль!" Примерно так же говорили о Кевине Спейси десять лет назад. Я познакомился с Сэмом на съемках фильма "Добро пожаловать в Коллинвуд". Я увидел, как он работает, и у меня не осталось ни малейшего сомнения.

— Трудно ли было пробить его кандидатуру на студии?

— Очень! Но я никого не виню. Голливудская машина работает очень просто: они вкладывают деньги только в то, что приносит деньги. Ему пришлось сделать много кинопроб. Я пообещал студии, что взамен разрешения снимать Сэма я заберу все декорации из "Одиннадцати друзей Оушена" после съемок, и им нужно только будет перекрасить их в другой цвет. А еще я окружил Сэма кинозвездами, чтобы в фильме было на что посмотреть, помимо главного героя. Да, это была тяжелая битва, но она того стоила. На кинофестивале в Берлине Сэм получил приз за лучшую роль.

— Значит, вы пригласили Дрю Бэрримора и Джулию Робертс, чтобы прикрыть Сэма Рокуэлла?

— Да, но не только поэтому. Мне нужна была актриса, как Дрю — милая, добрая, — чтобы зритель смог поверить в их взаимные чувства. И мне была нужна такая звезда, как Джулия, чтобы она олицетворяла иной мир, в который попадает герой. И я снимал Джулию как звезду, — сна-

чала показал ее силуэт, потом позволил зрителю услышать ее голос, увидеть ее губы...

— Какая задача была для вас самой сложной?

— Сохранить двусмысленность истории. Часто чиновники с Miramax, отсматривая материал, присылали мне записки: "Мы не понимаем, что происходит в этой сцене". Я отвечал им: "Зрители без вас разберутся!" Мне кажется, что в современном кино очень сильна тенденция снижать планку, ориентировать фильм на самых неискушенных зрителей. Мне хотелось, чтобы люди, выходя с сеанса, задавались вопросом, действительно ли все это произошло. Я знал, что если не превышу бюджет и уложусь в съемочный график, меня трогать не будут. Так и произошло: меня быстро оставили в покое. У них были другие, гораздо более серьезные проекты, за которыми нужно было следить: "Чикаго" и "Банды Нью-Йорка". Мы чувствовали себя двоечниками, спрятавшимися на последней парте!

— В последнее время вы снимаете фильмы-загадки. Еще один тому пример — "Солярис".

— Я очень горжусь этим фильмом. Стивен Содерберг поднял миллион вопросов и не ответил ни на один из них. Это было очень мужественно с его стороны. Снимая "Признания...", я полагал, что поднимался на определенный уровень сложности и утонченности в кинорежиссуре. Но начав съемки в "Солярисе", я понял, что снял обычный телефильм, в котором все просто и ясно! (Смех).

— Вы не слишком устали, снимая два фильма один за другим?

— Я не просто снимал один за другим. Я монтировал "Признания..." и одновременно снимался в "Солярисе". Я поставил себе монтажную кабинку в сотне метров от павильона Fox, где мы снимали "Солярис". С утра я снимался, в обед шел в монтажную, после обеда опять снимался, а вечером опять уходил в монтажную и сидел там до полуночи. А чтобы сэкономить время на дорогу, я спал на студии. К концу съемок "Соляриса" я был предельно вымотан. Но это пошло фильму на пользу, потому что мой персонаж тоже измучен и опустошен.

— Кто еще, помимо Стивена Содерберга, повлиял на вашу режиссерскую работу?

— Джоэл и Итэн Коэны. И еще фильм Алана Пакула "Параллакс" с Уорреном Битти: я вдохновлялся им в сцене убийства вербовщика.

— Вы намерены продолжить режиссерскую карьеру?

— Обязательно. У меня уже есть одна идея. Несколько лет назад Стивен Содерберг написал сценарий о мире американского футбола в 20-е годы. Это комедия в духе Ховарда Хукса. Вначале он хотел ставить сам, но потом остыл, и, похоже, охотно уступит его мне.

Кинорежиссура

(1532) 09.03 (сервис)

Экран и сцена